

ОПЫТ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ
РУССКОЙ ЛАГЕРНОЙ ЛЕКСИКИ
(В ПОМОЩЬ ПЕРЕВОДЧИКАМ)

Csaba Tiszóczy

Составляемый автором краткий толковый словарь русской лагерной лексики преследует чисто прагматическую цель: дать надёжную лексикографическую опору (в первую очередь для венгерских преподавателей и студентов-русистов, переводчиков русскоязычной литературы), помочь разобраться в мире слов своеобразной периферии русского языка: в лагерной лексике и органически примыкающей к ней ненормативной лексике.

В качестве необходимого ориентира в первых разделах работы даётся лексикографический обзор этого специального пласта русской лексики, в сопровождении лексикологического анализа познавательного характера.

„Новум” этих разделов заключается в том, что – по сведениям автора – впервые делается попытка тематической лексико-семантической группировки тюремно-лагерной лексики.

Словарный раздел, насчитывающий около 650 слов и словосочетаний, отличается от известных автору лексико-графических трудов тем, что словарные статьи, кроме традиционного толкования, содержат и лингвистические и страноведческие сведения, а в качестве коннотативного комментария – цитаты из художественных, публицистических и мемуарных произведений, в результате чего словарь получает и некоторый энциклопедический, хрестоматийный характер.

Так как словарь рассчитан на венгерских русистов, в нём даются (там, где это возможно, поскольку в словарь входит преимущественно безэквивалентная лексика) и венгерские эквиваленты.

Итак, эта, в основном, лексикографическая работа входит в ряд тех – пока ещё немногочисленных – трудов отечественной (венгерской) прикладной русистики, которые ставят своей задачей устранить некоторые „белые пятна”, восполнить пробелы русской-советской лексикографии, игнорировавшей до самого последнего времени (по полити-

ческим, идеологическим причинам) этот, как бы и „несуществующий”, пласт русской лексики.

Советские лексикографы и лексикологи примерно до середины 30-х годов старались объективно регистрировать изменения в словарном составе русского языка. Одним из фундаментальных трудов в этой области вправе можно считать исследования А. М. Селищева, вышедшие в печати в Москве в 1928-м году под заглавием *Язык революционной эпохи*, охватывающие языковые изменения (лексические, лексикосемантические) первых десяти лет советской власти.

К этому периоду можно отнести и научный курьёз – первую научную работу Дм. Лихачёва, опубликованную в лагерной газете СЛОНа, Соловецких лагерей особого назначения. Учёного арестовали в 1928-м году и первые три года заключения он провёл на „Соловках” и ещё полтора – на стройке Беломорканала. В лагере Дм. Лихачёв изучал словоупотребление и поведение заключённых уголовников, картёжников и свои наблюдения обобщил в вышеупомянутой статье (по интервью в “Le Nouvel Observateur”, 14 мая 1987 г. , в книге Акоша Силади *Незаконченная революция*).

В дальнейшем, несмотря на все усилия советских лексикологов, особенно в 60-70-е гг. (Панов 1968), эта работа по сбору новых слов и значений из-за цензурных органичений становится идеологически односторонней, в результате чего имеет существенные пробелы. (Примером этих усилий может служить словарь *Новые слова и значения*, 1971, однако его главным недостатком является то, что в нём не отражена живая разговорная речь как важнейший фактор формирования словарного состава современного русского языка.)

С введением официальной советской цензуры (в 1922-м году – Главлит, Главное управление по делам литературы и издательства) некоторые темы исследования новой лексики попадают под запрет, не допускаются к печати. „В сталинский период существовала практика регулярной *чистки словарных карточек* и уничтожения лексикографического материала. Так фольклорист А. Горелов сообщает об уничтожении части фонда Пушкинского дома в этот период, в особенности частушек, сочинённых кулаками и деревенской буржуазией” (Власова-Горелов 1965: 389; *курсив мой*, Cs. Т.).

Есть и частные, „любительские” попытки составления словарей тюремно-лагерного жаргона. В числе таких попыток стоит упомянуть *Большой словарь лагерной и блатной фени* поэта А. Жигулина, который, по его же свидетельству, был изъят лагерным начальством (Жигулин 1988: 12).

П. Н. Денисов, сообщая о судьбе *Словаря* Я. К. Грота, который был начат в 1886-м году и оставлен в 1937-м году на букве „О”, замечает, что „в 1937 году картотека была освобождена от идеологически чуждых материалов” (Денисов 1974: 211).

Из вышесказанного следует, что наш предмет изучения, т. е. лексика заключённых советских тюрем и лагерей, встречается (до самого последнего времени) главным образом на страницах „самиздатов” и так называемых „тамиздатов” (изданий, появившихся на Западе на русском языке), за редким исключением советских (ныне уже российских) изданий последних лет. Ведь цензура не допускала к печати эту тематику ни в период „брежневского застоя”, ни – „андроповского сквозняка”. В этот круг изданий входят художественные, мемуарные и документальные произведения (многие публикации журналов „Новый мир”, „Знамя”, „Октябрь”, „Юность”, „Дружба народов”, „Огонёк”, „Спутник” и др., произведения А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова, Е. Гинзбург, В. П. Гроссмана, А. Н. Рыбакова, Л. Разгона, А. Жигулина и др.).

Из „тамиздатовских” лексикографических трудов стоит отметить словарь М. Галлера и Х. Маркесса *Язык советских лагерей*, работу М. М. и Б. П. Крестинских *Краткий словарь современного русского жаргона*, а также словарь А. Флегона *За пределами русских словарей*.

Однако эти лексикографические и лексикологические наблюдения не восполняют уже упомянутых пробелов в этой области лексики. С появлением советской (русской) неподцензурной литературы, переводчики оказались без надёжных словарей, толкующих эту, главным образом, безэквивалентную русскую лексику. Читая и переводя, например, произведения А. Солженицына *Один день Ивана Денисовича*, *Архипелаг ГУЛАГ*, *В круге первом* и т. д., преодолев трудности архаизирующего стиля, мы должны справиться ещё и с отдельным пластом русского языка – лагерной лексикой.

Трудности перевода наглядно описывает Дьёрдь Сёке (György Szőke), рассказывая об истории венгерского перевода произведения А. Солженицына *Один день Ивана Денисовича*. Ныне покойный редактор литературного ежемесячника „Надьвилаг” („Nagyvilág”), Янош Эльберт (János Elbert), прочитав в ноябрьском номере „Нового мира” (1962 г.) повесть Солженицына, решил опубликовать его в своём журнале. Работу перевода поручил одному из лучших переводчиков художественной литературы, Кларе Сёлёши (Klára Szőlősi). Она, конечно, взялась за перевод, но русский лагерный язык оказался для неё „белым пятном”. Редактор пригласил другого переводчика, Ласло Вессели (László Wesszely), с тем расчётом, что уж он-то безусловно компетентен, ведь он провёл на ГУЛАГе несколько лет. Вессели знал русские лагерные слова, но не знал их венгерских эквивалентов. Пришлось обратиться за помощью к Дьёрдю Секерешу (György Szekeres), который, в свою очередь, в 50-е годы „отсидел” несколько лет в венгерских тюрьмах. В результате их совместного труда вышел в свет достоверный и удачный перевод повести Солженицына (Szőke 1991).

Именно вышеописанные трудности перевода вызывают потребность в составлении хотя бы краткого толкового словаря лагерного языка (особенно касается это молодого поколения переводчиков).

Наш опыт изучения лагерной лексики показывает, что она охватывает, с одной стороны, слова и словосочетания, входящие в состав так называемой *ненормативной лексики* (городское просторечие, элементы арго и групповых жаргонов), с другой стороны – неологизмы-советизмы, политические и военные термины. В то же время, органической составной частью лагерного языка является и обценная лексика (бранные, неприличные, нецензурные слова и выражения).

Под *ненормативной лексикой* мы понимаем все лексические пласты, лежащие „ниже” разговорного языка образованных слоёв общества и включающие просторечия (в особенности городское просторечие) и все разновидности арго и групповых жаргонов (социальных диалектов) (Косцинский 1980: 364).

Подробный анализ лексических единиц лагерного языка с точки зрения русской лингвистической терминологии приводит в каждом конкретном случае к использованию таких различных терминов, как: разговорно-просторечная лексика (*баланда, затируха*), жаргонизмы (*чёрный ворон, воронок, параши*), арготизмы (*пахан, урка, шестёрка*), профессионализмы (*штрафлаг, особлаг, шизо*), вульгаризмы (*падло, „раскладушка”, „мохнатая кража”*), неологизмы-советизмы (*тройка ОСО, спецконтингент, вохровец*), проникшие в общее употребление из более или менее узких сфер и отличающиеся специфической *стилистической и экспрессивной окраской*.

Однако вышеназванные термины не покрывают полностью лексико-семантическую разнообразность лагерного языка, если мы хотим обратить внимание и на особую коннотацию слов, входящих в его словарный состав. Это и вызвало необходимость введения таких новых терминологических понятий, как:

– табуированные „советизмы” (напр. : *спецпоселение, спецпоселенец, „сталинский крестник”, „ящик”*), для отличия их от советизмов, в понятии В. Костомарова и Е. Верещагина (Верещагин – Костомаров 1971: 26-27);

– „жарго-кримонимы” – жаргонные кримонимы как отдельная группа лагерных жаргонизмов и арготизмов, выступающих как варианты криминологических и судебных терминов (напр. : высшая мера наказания – „вышка”, „вышак”; лишение гражданских прав – „намордник”).

Выше мы уже говорили о трудностях перевода и о необходимости составления специального словаря русского лагерного языка, который мог бы служить практическим подспорьем для переводчиков русской-„советской” (неподцензурной) и зарубежной русскоязычной „лагерной” литературы.

Принципы и методология создания такого словаря – за исключением уже упомянутых попыток советских и зарубежных лексикографов – еще не разработаны.

Нам кажется, что такой словарь, охватывающий разные пласты лагерного разговорно-просторечного языка (арготизмы, жаргонизмы, табуированные „советизмы”, профессионализмы, вульгаризмы, обценизмы – одним словом, ненормативную лексику), должен быть, в первую очередь,

толковым словарём, комбинирующим лингвистические и страноведческие сведения о рассматриваемой языковой подсистеме данной субкультуры бывшего советского общества. Поскольку речь идёт главным образом о безэквивалентной лексике, толкование слова следовательно не может быть лишь его чисто филологическим определением, а должно быть и кратким описанием знаний, связанных с содержанием слова, т.е. толкование должно носить и энциклопедический характер.

Эмоциональная нагруженность лагерной лексики при составлении словаря выдвигает и проблему выявления лексической коннотации. Это означает, что из описания значения слова в словарной статье пользующийся словарём должен отметить и осмыслить „эмоционально-стилевое семантическое содержание слова” (определение даётся по: Филиппов 1978: 57), т. е. с помощью филологического и энциклопедического толкования сумеет провести границу между интеллектуальным и эмоциональным содержанием слова, отделить денотацию от коннотации.

В размышлениях о принципах составления словаря безэквивалентной лексики В. Заславский и М. Фабрис тоже приходят к мысли, что „автономность коннотации требует включения её в словарь на равных правах с денотацией” (Заславский – Фабрис 1982: 398).

По мнению Е. Верещагина и В. Костомарова, словарь безэквивалентной лексики обязательно должен включать в себя пространный коннотативный лингвострановедческий комментарий (Верещагин – Костомаров, 1973: 83-85). С этим требованием в нашем случае нельзя не согласиться, ведь составляемый нами словарь предназначен для венгерских преподавателей русского языка, студентов-русистов и уже упомянутых переводчиков.

Из упрощённого определения лексической коннотации А. Филиппова (коннотация – это „эмоционально-стилевое семантическое содержание”) следует, что при выявлении коннотации слов важно учитывать не только их эмоциональное содержание, но и их стилевое значение как ту часть семантики слова, которая определяет социальную принадлежность и возможности использования данной лексики. Значит, в словаре должна быть учтена и стилевая окраска слов.

При выявлении коннотации слов в словарной статье мы применяем комплексный подход: помимо толкования слова, которое даёт лингвистические и страноведческие сведения, приведем в качестве коннотативного комментария цитаты из художественных, публицистических и мемуарных произведений.

Несмотря на то, что речь идёт об одноязычном толковом словаре, его предназначение требует давать и венгерские эквиваленты слов и словосочетаний словника, в который, в основном, входит безэквивалентная лексика. Что касается решения этого, на первый взгляд, противоречия, мы избрали два возможных пути: дать

- а) прямой венгерский эквивалент (а это в некоторых случаях возможно, ведь основные реалии советского и венгерского тюремного режима и быта во многом схожи, особенно до конца 50-х гг.), например: *шмон* (обыск) – *hippis*; *наседка* (подсаженный в камеру провокатор-осведомитель) – *vamzer*; *вертухай* (надзиратель, охранник) – *smasszer*;
- б) „косвенный” венгерский эквивалент, под которым мы понимаем такие „понятные кальки”, как, например: *лагнаселение* – *lágertlakosság* (но почему *население*, из кого оно состоит?); *лагпоселение* – *lágertelepülés* (в чём оно отличается от *лагпункта*?); *особлаг* – *különleges lágert* (относительно чего он *особый*?). Однако без коннотативного русскоязычного комментария, раскрывающего культурный или идеологический компонент лексического значения данных слов, для иностранца они в полном лексикосемантическом диапазоне непонятны.

Возможен и третий путь: венгерское, объяснительно-описательное раскрытие значения, но оно, относительно нашего словаря, не имеет смысла, так как словарная статья содержит комплексное толкование на русском языке с оправдательными примерами (а дальше, как говорится, дело переводчика. . .).

Слова в словаре расположены в алфавитном порядке ввиду того, что в ходе лексикологического анализа тематические группы слов уже были выделены (по крайней мере самые характерные). Кроме того, алфавитный порядок

расположения слов даёт возможность легче и быстрее найти нужное слово.

Словарные статьи состоят из словника (после слов в скобках даются стилистические пометки), комплексного толкования значения слова и оправдательных примеров (цитат, с указанием на источники).

В словник входят не только отдельные слова, но и словосочетания как единые смысловые лексические единицы (по возможности с учётом алфавитного порядка слов при выделении на первое место доминанты).

В толковой части словарной статьи часто даётся и оригинальное значение слова, если речь идёт о переосмыслении изначального значения.

В отношении составления словника надо сделать ещё одну оговорку: слова, включённые в него, могут показаться произвольно подобранными, так как среди них есть и такие, которые не относятся в узком понимании к лагерной лексике, как, например, некоторые профессионализмы из лексикона карательных органов (ЧК, НКВД, МВД, КГБ), табуированные „советизмы”, слова арго разных мафий (рэкетиров, картёжников, нарко-бизнеса), но мы основывались на том, что определённая часть этой лексики пересекается, совпадает со словоупотреблением заключённых (язык уголовников влияет на разговорную речь сотрудников карательных органов и наоборот; некоторые словари-справочники по арготизмам как раз поэтому и предназначены для внутреннего пользования сотрудников МВД, прокуратуры, суда и т. д.).

ЛИТЕРАТУРА

- Верещагин, Е. М. и Костомаров, В. Г.
1971 *Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам*, М. 1971.
- 1973 *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*, М. 1973.

- Власова, З. И. и Горелов, А. А.
1965 *Частушки в записях советского времени*, М. -Л.
1965.
- Денисов, П. Н.
1974 *Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии*, М. 1974.
- Жигулин, А.
1988 *Чёрные камни*, „Знамя”, 1988: СП.
- Заславский, В. и Фабрис, М.
1982 *Лексика не равенство. К проблеме развития русского языка в советский период*, “Revue des Etudes slaves”, LIV/3, Paris 1982.
- Косцинский, К.
1980 *Ненормативная лексика и словари (к постановке вопроса)*, “Russian Linguistics”, 1980: IV(4).
- Крестинский, М. М. и Крестинский, Б. П.
1965 *Краткий словарь современного русского жаргона*, Посев, Франкфурт на Майне, 1965.
- Новые слова и значения*
1971 *Новые слова и значения*, ред. : Н. З. Котелова, Ю. С. Сорокина, М. 1971.
- Панов, М. В.
1968 *Русский язык и советское общество*, М. 1968.
- Селищев, А. М.
1928 *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926)*, Работник просвещения, М. 1928.
- Филиппов, А. В.
1978 *К проблеме лексической коннотации*, „Вопросы языкознания”, 1978: I: 57.

- Galler, M. , Marquess, H. E.
1972 *Soviet Prison Camp Speech*, Madison, Wis. 1972.
- Szóke, G.
1991 *Szolzsényicin és a magyarok*, "Magyar Hírlap", 17. 8. 1991.
- Tiszóczy, C.
1986 *Военная лексика в советской художественной литературе и публицистике*, "Nemzetközi Szlavisztikai Napok", szerk. : K. Gadányi, Szombathely 1986.
- 1991 *О словарном составе лагерного языка*, "Nemzetközi Szlavisztikai Napok", szerk. : K. Gadányi, Szombathely 1991.
- 1992 *Общественные элементы лагерной лексики*, "Studia Slavica Savariensia", Szombathely 1992: II.
- 1995 *Фразеологические элементы лагерного языка*, "Slavica Quinqueecclesiensia", szerk. : E. Lendvai, Pécs 1995: I.

ABSTRACT

The author deals with the importance of a collection type of dictionary containing the so called "lager"-vocabulary in the first part (introduction) of his article, containing especially the works of the younger generation of translators.

In the following parts he gives a broad view of the achieved (or "not achieved") results of Soviet-Russian lexicography. He puts a strong emphasis on the works of Russist-lexicographers living in the Western world.

The last part of the article introduces the structure of the dictionary, first of all from a methodological point of view . He calls special attention to the importance of the introduction of connotative and denotative semantics of nonequivalent lexis within his article.